

Змеиный властитель больше не стал продолжать разговор. Хань Чжоу уставился на диалоговое окно, его лицо пылало, словно закатное небо. Двойное смущение накрыло его с такой силой, что он даже боялся взглянуть на тот пост, опасаясь увидеть комментарий Цзинь Шуаня.

Ситуация была невыносимо неловкой, независимо от того, разоблачил бы он его прямо или просто сыграл бы вдолё. Хань Чжоу замер на месте, размышляя около десяти минут, но в конце концов набрался смелости и открыл альбом. К его облегчению, комментарии остались такими же, как и раньше.

С облегчением он быстро удалил тот пост, но тут же заметил, что в верхней части ленты друзей появился маленький аватар. Нажав на него, он увидел, что пост удален, и комментарии друзей больше не отображаются. Аватар и имя пользователя принадлежали Цзинь Шуаню.

— Чёртов WeChat, только сейчас решил задержать отображение! — мысленно выругался он.

Хань Чжоу провел половину ночи в смущении, то гадая, что именно написал Цзинь Шуань, то снова и снова перебирая в голове свои поступки, которые теперь казались ему откровенной глупостью.

Он взял телефон и начал просматривать переписку с Змеиным властителем, вдруг заметив одно сообщение:

[Змеиный властитель: Эта ручка, вероятно, произведена в конце 30-х — начале 40-х годов XX века.]

Он вспомнил, как Цзинь Шуань говорил, что купил эту ручку довольно давно, и тогда выбор моделей был невелик. Хань Чжоу автоматически предположил, что «давно» означало десять или даже двадцать лет назад, ведь сохранить ручку в течение такого срока — обычное дело, особенно учитывая, что в 80-90-е годы выбор моделей действительно был ограничен.

Но теперь, в свете слов Змеинового властителя, всё выглядело иначе.

Эта ручка была куплена не десять или двадцать лет назад, а семьдесят или восемьдесят? Как это возможно?

Подперев голову рукой, Хань Чжоу долго размышлял, пока вдруг не осенило.

Слова Цзинь Шуаня о том, что ручка «куплена давно», вероятно, объясняли её изношенность. Возможно, он действительно купил её много лет назад и постоянно носил с собой, что и привело к её потертости. А «мало моделей» относилось к тому времени, когда ручка была произведена, поэтому при выборе антиквариата у него не было большого разнообразия.

Это должно быть так, это самое логичное объяснение. Ведь Цзинь Шуань не мог действительно купить ручку семьдесят или восемьдесят лет назад — это звучало бы абсурдно.

Этот вопрос был лишь небольшим отступлением, и Хань Чжоу не придал ему большого значения. Вскоре он снова погрузился в свои мысли о предыдущем смущении.

Этой ночью ему снова приснился пожар, но на этот раз его душевное состояние не было наполнено страхом, как раньше. Его успокаивала прохладная мелодия, исполненная на губной гармошке — «Edelweiss», которую его отец часто играл, а мать иногда подпевала.

На самом деле это был Хань Дун, который посреди ночи взял в руки губную гармошку МК.

Утром Хань Чжоу, узнав об этом, слегка вздохнул и, стоя одной ногой за порогом, сказал:

— Давай всё-таки играть днём, чтобы соседи не жаловались на шум.

— Знаю, — ответил Хань Дун, накидывая ему на шею шарф. — Просто я вижу, что ты в последнее время действуешь безрассудно, и переживаю. Играю, чтобы отвлечься.

Хань Чжоу улыбнулся, вошёл в комнату и обнял Хань Дуна, похлопывая его по спине:

— Не переживай, у меня всё будет хорошо, правда.

В тот день, придя в студию, Хань Чжоу завернул картину, которую обещал «продать» Цзинь Шуаню. Так как краска ещё не высохла, он тщательно упаковал её в специальный ящик, чтобы избежать повреждений при транспортировке.

Для художника-новичка рисование — это процесс фотографирования мира глазами. Для опытного художника — это процесс фотографирования сути вещей разумом. Для мастера — это процесс фотографирования души кистью.

Картина «Снег» стала лучшей работой Хань Чжоу за всю его жизнь. Хотя на полотне изображён только снег, в каждый мазок кисти он вложил свои эмоции, радость и беззаботность, которые он испытал той ночью с Цзинь Шуанем. Это было похоже на «Звёздную ночь» Ван Гога — романтично, динамично и вечно.

В этой картине он нашёл своё направление. Многие сомнения относительно импрессионизма разрешились в момент, когда он начал рисовать.

На полотне был отражён образ Цзинь Шуаня. Рисуя, Хань Чжоу хотел подарить её ему, чтобы она висела на стене его мастерской рядом с эскизами или у изголовья кровати, чтобы каждое утро он видел её и вспоминал их время вместе...

Заворачивая картину, Хань Чжоу почувствовал, что снова теряет голову. Куда тот её повесит — не его дело.

Но когда Цзинь Шуань получил картину, он действительно повесил её у изголовья своей кровати. Он любил Хань Чжоу, и каждое утро и вечер, вспоминая их прошлое, он наслаждался этими моментами.

Изначально он сблизился с Хань Чжоу просто ради тепла, но этот человек оказался слишком хорош. Он легко шёл по жизни, обладая невероятно терпимым сердцем. Его зрелый подход к делам сочетался с молодым мышлением, делая его энергичным и очаровательным. Он был как тёплое солнце, излучающее свет. Никто не хотел бы уходить от солнца, и Цзинь Шуань тоже не смог устоять.

Хотя у Хань Чжоу были свои сложные и загадочные секреты, в нём не было острых углов. Рядом с ним Цзинь Шуань чувствовал себя спокойно и видел будущее.

Отправляя картину, Хань Чжоу написал Цзинь Шуаню в WeChat, просто сообщив, что «картина за девять юаней с доставкой» скоро будет доставлена, и попросил его быть готовым. Он также хотел спросить, что тот написал в комментарии к посту о ручке, но в итоге решил сначала посоветоваться с Лу Е, чтобы не выглядеть глупо.

Лу Е, обгладывая кость, сказал:

— Зачем спрашивать? Лучше не надо, братан, не унижай себя.

Хань Чжоу, высасывая костный мозг через трубочку, подумал и всё же решил, что это неправильно:

— А вдруг комментарий был не про ручку, а о чём-то другом? Например, он просил помочь с чем-то. Если я проигнорирую, это будет выглядеть, как будто я специально не обратил внимания, и это может повредить.

Лу Е махнул рукой, вытирая салфеткой жир с лица:

— Такой человек, как Цзинь Шуань, не стал бы просить о помощи в таком неофициальном месте, как лента друзей. Он человек серьёзный.

Хань Чжоу:

— А вдруг это мелкая просьба, не такая серьёзная? Например, проголосовать за чьего-то ребёнка.

— Эй, ты случайно не купил себе место в университете? — Лу Е бросил на него презрительный взгляд. — У тебя хватает ума? С головой всё в порядке?

Хань Чжоу: «...»

Хотя Лу Е его отчитал, Хань Чжоу всё же боялся упустить что-то важное и написал Цзинь Шуаню, сказав, что из-за задержки сообщений не увидел его комментарий, и спросил, что тот написал.

Цзинь Шуань, получив сообщение, вспомнил тот день.

После возвращения с блошиного рынка он весь день работал, рисуя чертежи до вечера. Устав, он остановился и взял телефон, чтобы посмотреть ленту друзей, и увидел новый пост Хань Чжоу.

Тогда он действительно посмеялся, но не из-за насмешки, а потому что Хань Чжоу был слишком мил. Он чувствовал его радость даже через экран, поэтому оставил в комментариях смайлик с жёлтой книгой, символизирующий книгу «Неряшливый король», которую Хань Чжоу подарил ему днём. Это был просто способ «выпить» за их встречу.

Позже он заметил, что пост был удалён, но не придал этому значения. Кто бы мог подумать, что через два дня Хань Чжоу снова напишет, чтобы спросить об этом.

Спеша на встречу, Цзинь Шуань быстро ответил:

[В тот вечер я отправил тебе жёлтую книгу.]

Хань Чжоу: «...»

Что? Жёлтую книгу? Порнографию?

<http://bllate.org/book/15564/1415524>